

Номо mobilis, или История одной страсти

К числу известных психологических патологий и потребительских лихорадок прибавилось в последнее время еще одно популярное заболевание. Когда в своем эссе об абсурде Альбер Камю удивлялся нелепой жестикуляции человека в телефонной будке, он не мог еще предвидеть появление мобильных телефонов. В самом деле: чего стоит этот скромный мимический театр в замкнутой, как кабинка для исповеди, удобной и укромной будке по сравнению с мизансценой в исполнении современного homo mobilis. Полусонный утренний рейс в автобусе, спокойное дефиле ближайшего прохожего, объятия целующейся парочки в парке, ваша беседа с приятелем – все это вдруг прерывается прерывистым сигналом, а то и хуже – изуродованной до неузнаваемости мелодией Моцарта или Баха. И вот до сих пор нормальный человек начинает в голос орать в переполненном автосалоне или зале кинотеатра, попутно придерживая то ли отпадающее, то ли стреляющее ухо, корчить глупые гримасы, и торопливо, давясь словами от жадности (деньги же капают!) принимается, как тот чукча в анекдоте, описывать все, что видит. В девяти случаях из десяти губы его сами собой растягиваются в блаженной улыбке, а в глазах появляется нездоровый блеск. Налицо очевидные симптомы легкого душевного расстройства, которое часто представляет интерес для профессионалов по части психиатрии. Разнообразные сообщения в сети интернет все более похожи на сводки боевых действий между владельцами мобильных телефонов и остальным миром:

«Один мексиканец, будучи в зоопарке, уронил свой телефон в клетку со львом. Казалось бы, ну, уронил – и черт с ним! Однако человек был растерзан хищником, пытаясь достать свой мобильник. Не менее нелепая смерть настигла немолодого уже англичанина Ноэла Коннели, когда тот, разговаривая по телефону на балконе своей квартиры, так неистово пытался поймать более хороший сигнал, что, перегнувшись через перила, выпал и разбился насмерть. А один немецкий бизнесмен, который отказался отключить свой телефон то ли в кино, то ли в другом общественном месте, был забит до смерти одним излишне жестоким ненавистником сотовой связи» (<http://alliance.com.ua/review/die/main.htm>).

«Британские врачи из элитной психиатрической клиники Priory Clinic, в которой от пагубных пристрастий лечились многие известные артисты и рок-звезды, пришли к выводу, что отправка SMS-сообщений превратилась в настоящую манию. Среди пациентов этого лечебного учреждения, страдающих пристрастием к азартным играм, kleptomанией, вуайеризмом, все чаще попадают те, кто прочно подсел на SMS-ки» (www.podrobnosti.ua).

«По результатам опроса, проведенного в Великобритании, участие в котором приняли несколько тысяч владельцев сотовых телефонов, каждый

пятый опрошенный английский мужчина честно признается, что на звонок он готов ответить не то что в постели, но даже в церкви, стоя перед алтарем во время собственной свадьбы! Разумеется, не является исключением и сортир, в котором разговаривает в случае поступившего звонка каждый третий из опрошенных англичан» (<http://alliance.com.ua/review/die/main.htm>).

Собственно далеко за примерами ходить и не нужно. Всего несколько месяцев назад ближайший мой друг (назовем его в данном контексте больным X.), после непродолжительного периода душевных терзаний, купил и начал пользоваться сотовым телефоном (между первым и вторым всегда есть психологический зазор, ибо начать сходу громко вещать в публичном месте для воспитанного человека не так-то просто). Вскоре я уже воочию мог наблюдать растущие симптомы психического аутизма: поминутное извлечение и любовное поглаживание телефона, бессмысленная игра в начертание и немедленное стирание никуда не отсылаемых текстовых сообщений, поиск предлога для сколь скоропостижного, столь и ненужного звонка и прочие странные действия стали составлять значительную часть его личного досуга. Впрочем, и на работе больной X. удивил, думаю, своих студентов, откликнувшись на один звонок прямо во время собственной лекции: «Але, а я тут на паре. Лекцию, говорю, читаю...»

Конечно, если отбросить эмоции, то мания владельцев мобильных телефонов покажется не слишком оригинальной и почти безопасной для здоровья окружающих. Европа за свою историю, например, прожила много чего полюбопытнее – например, танцевальные лихорадки эпохи позднего Средневековья, детские крестовые походы или цветочную эпидемию с эпицентром в Амстердаме, когда ради иных тюльпанов шли на ветер целые состояния. Из детства помнится мне, как в школе то вспыхивали, то так же стремительно шли на убыль коллективные психозы игры в пробки или фантики, манипуляций с кубиком Рубика и т.п. В случае с мобильными аппаратами имеет место практически та же слепая детская страсть, основанная на зависти к владельцам модной вещицы и практической бесполезности самого этого занятия. Как ни парадоксально, но именно нулевая степень функциональности какой-либо вещи и наделяет ее повышенной стоимостью в глазах окружающих. Как пробки, свинченые с маминых духов или тюбиков зубной пасты, так и сотовые телефоны – вещи восхитительно нецелесообразные. На одно, по сути, достоинство мобильных – возможность осуществления быстрой и относительно повсеместной связи – можно найти с десятков очевидных неудобств и недостатков:

- сотовые телефоны слишком маленькие для человеческой руки, особенно для клешни нового русского (а другими быть они и не могут), при разговоре ухо и рот отчуждены друг от друга, что по началу удивляет самих пользователей и заставляет еще громче кричать в свою трубу;

- в силу дороговизны самой связи не годятся для полноценной коммуникации, а дают лишь своеобразную артиллерийскую наводку для абонента (кстати, по указанию Федеральной Комиссии США по Связи, все

операторы мобильной связи страны с октября 2003 г. должны предоставить полиции возможность определения местонахождения мобильного телефона, с которого сделан вызов службы спасения 911 – ясно, что возможности такой слежки за носителем кусочка цветного пластика могут быть использованы и отнюдь не в благих целях);

- создают массу житейских проблем, как, например, звонок во время занятий у строгого и заранее не расположенного к таким казусам преподавателя;

- сокращают путь не только для приятных, но, чаще, для неприятных новостей, как, положим, звонок начальника утром в воскресенье на дачу с требованием явиться на работу;

- стимулируют все нарастающую гонку финансово-технических вооружений, в которой победа никогда не останется за потребителем;

- наряду с возможной опухолью головного мозга (в чем пользователь мобилника себе, впрочем, никогда не признается) готовит почву для широкого спектра легких психических неврозов и помрачений, что подтверждается еще не охваченными этой страстью медиками;

- создает массу трудностей для тех общественных служб, чей профиль связан с электроникой и связью – известно, например, почему нельзя пользоваться мобилником в самолете;

- способствует еще более быстрому развращению детей – тут речь даже не об их безразмерной природной жадности и зависти, а, скажем о легком доступе к ресурсам мировой порнографии (любой ребенок с мобильным WAP-телефоном может получить доступ, по крайней мере, к нескольким десяткам сайтов для взрослых, всевозможные советы и фантазии на сексуальную тему, а также фотографии в провоцирующих позах находятся в общедоступных каталогах WAP-сайтов);

- является удобной мишенью для мошенников (о способах изъятия средств с помощью мобильного телефона можно написать отдельную статью-инструктаж) и просто карманных воров.

Впрочем, по известной мысли Славоя Жижека, именно травматичность и отличает истинное наслаждение от удовольствия. Суть наслаждения в том, что это «парадоксальное удовольствие, причиняемое неудовольствием» [2, с. 202]. Современный обыватель увяз в потребительском комфорте, как муха в паутине и потому его нынешние запросы выражаются в попытках болезненного выхода за пределы своего скучного мирка. Мобильный телефон, обещающий своему пользователю одновременно власть над пространством и над временем, как раз и является воплощением такой иллюзии. При этом шокирующие денежные траты, очевидное неудобство при повседневном ношении аппарата (а на пляже-то к трусам его цеплять придется?!), постоянная опасность потерять свой символический фаллос или выпасть из зоны доступности, – все это только стимулирует всепоглощающую любовь homo mobilis к своему хрупкому прибору. С той же травматической страстью связан и своеобразный речевой эксгибиционизм – поток сознания homo mobilis вместо того, чтобы интимно укрыться в

телефонной будке становится общим достоянием для целого автосалона или даже театрального зала. (Попутно можно усмотреть здесь старый спор ведущих мировых религий – католичества с его культурой умолчания, символическим иерархизмом, исповедальными кабинками и протестантизма, упраздняющего весь лишний церемониал, но, тем самым, претендующего на, лишенную степеней защиты, личность целиком.)

Еще более неудобным становится мобильник в гремучей смеси с цифровой камерой, фотоаппаратом, телевизором и прочими гаджетами. Незаменимый для шпиона набор приспособлений, для обывателя является лишь профанацией всех отдельно взятых функций. Ясно, что качество фотографий или видеотрегментов в исполнении мобильников на порядок ниже тех, что позволяет сделать нормальная профессиональная, да и хорошая любительская техника. Кстати, так же беспомощно будут выглядеть на миниатюрном экране порнографические кадры с WAP-сайтов. Но, поскольку больше возбуждает не наличие, а некоторый дефицит сексуального объекта, то и эта природная слабость мобильников лишь разогревает мещанское воображение. Фаллический протез в виде мобильного телефона (морфологически продолжающий эволюцию вибратора и пейджера) дает его владельцу гиперсексуальную компенсацию: «моя маленькая штучка такое вытворяет!» Кстати, в пользу этой версии работает и психоанализ Жака Лакана, где бессознательное прямо связывается со сферой дискурса. В одной из популярных работ Лакана читаем: «Бессознательное бывает только у существа говорящего. Условие бессознательного – это язык» [4, с. 10]. Или в другой работе: «бессознательное представляет собой нечто такое, что говорит в самом субъекте, за субъектом, говорит даже когда субъект этого не знает и больше, чем он полагает» [3].

Тогда и сексуальное – это то, что скорее сказывается, а не делается: именно язык является первым орудием желания и придает ему лишь те образы, что могут быть ясно вербализованы: «соблазн не предполагает никакой формы, предшествующей языку; он полностью является реализацией языка» [5, с. 388]. В известном смысле всякий говорящий тут же становится сексуальным объектом, и в качестве такового осознанно, или нет, предлагает себя прочим (любой коллега-преподаватель, думаю, меня поймет). В случае же с мобильным телефоном, эта естественная игра с языком и желанием приобретает черты сексуальной патологии. С одной стороны – индивид для самого себя психологически защищен здесь функцией реального, а не воображаемого разговора со своим абонентом (хотя это похоже на детский способ натягивания на голову одеяла при появлении действительной или мнимой угрозы). Однако, с другой стороны, фрагментарность и фиктивность этого общения (остаток культуры у любого homo mobilis все же держит эту речь в границах обще дозволенного), невидимость для других этого адреса, наконец, связанность и нелепость заикленной на своем ухе позы переводят сексуальный стиль мобильного общения в позицию типичного эксгибициониста или мазохиста. Зависимость от другого, отчужденность другим создают для мазохиста неистребимый

комплекс виновности: «мазохизм, как и садизм, является принятием на себя виновности. Я виновен, потому что я являюсь объектом. Виновен по отношению к самому себе, поскольку я соглашаюсь на свое абсолютное отчуждение, виновен по отношению к другому, так как я ему предоставил случай быть виновным через радикальное отсутствие моей свободы как таковой» [5, с. 393]. С этой презумпцией собственной вины связана, кстати, агрессивность *homo mobilis* по отношению к представителям остального, еще не охваченного сотовой связью человечества: это и жестуальная фигура вызова во время подключения к своей трубе, когда *homo mobilis* пребывает в общественном месте, и также способ психологического переноса собственного невроза на плечи окружающих (по версии человека-мобильника все остальные, не имеющие такого счастья люди, лишь завидуют ему и в тайне мечтают сами поскорее завести сотовый). В духе этого последнего объяснения, кстати, вообще конструируется добрая половина обывательских отмазок: так все противники гомосексуализма, по мнению самих геев, являются просто латентными гомосексуалистами, таким же образом евреи объясняют себе феномен антисемитизма и т.п.

Эта вполне органичная связь садомазохистских установок, отмеченная большинством психологов, проецируется *homo mobilis* и на стиль общения с невидимым для других абонентов. Преувеличенно недовольный, отчужденный тон в адрес одного собеседника (опять-таки, деньги же в трубу улетают каждую секунду!), моментально сменяется в другой раз радостной гримасой и захлебывающимся лепетом при дискурсивно-сексуальном контакте с другим.

Что ж, если в итоге редуцировать функцию мобильных телефонов до того значения, в котором это изобретение будет действительно незаменимым и безотказным, то вывод напрашивается следующий: это весьма эффективное приспособления для вступления в видимые эксгибиционистские и подразумеваемые садомазохистские отношения с возможно большим числом окружающих человеческих особей. Его владелец, так же, как типичный мазохист, объявляет себя доступным в любое время и в любом месте, так же принимает нелепую позу во время сеанса так сказать коммуникации, так же зависит от использования ряда технических средств (немаловажная сторона всех сексуальных патологий). С садистом же *homo mobilis* сближает прежде всего стиль его общения с окружающими: в тот самый момент, когда ухо его посвящено одному конкретному абоненту, прочий объем головы преисполняется сознанием собственного величия от факта самого обладания этим символическим фаллосом и адресом его применения, но главное – от ощущения определенной власти над другими мирными гражданами, вынужденными занимать по отношению к нему все ту же пассивную позу мазохиста: таким образом можно «опустить» целый кинозал или учебную аудиторию.

Для производителей же новой технической чумы XXI века, *homo mobilis* является поистине бесценной потребительской категорией, ведь вместе с гонкой за все новыми моделями и функциями самого аппарата,

владельцам мобильных можно продать целый комплекс других психомеханических протезов. Так компания Dockers начала недавно выпуск своеобразных «мобильных штанишек» – это джинсы под названием «Dockers Mobile Pants» специально оборудованные для владельцев мобильных телефонов, карманных компьютеров, пейджера и пр.

Очевидно, что в целом речь идет уже не о производстве вещей, но именно потребительских привычек, или даже самого человека мобильного, первыми признаками которого можно считать упомянутую уже трансформацию психических установок: болезненное сочетание элементов пассивной сексуальности, садизма, эксгибиционизма и комплекса несознаваемой вины.

Литература:

1. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос. 2000. № 4. С. 63-77
2. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. – 340 с.
3. Лакан Ж. Психоз и Другой. [Электрон.ресурс] - <http://lacan.narod.ru>
4. Лакан Ж. Телевидение. М., 2000. – 160 с.
5. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2000.

Опубл. в сб.: PR в изменяющемся мире: региональный аспект: Сборник статей. / Под ред. М.В.Гундарина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – Вып.2.